О, дивный, потребительский мир!

Борис Натанович Стругацкий
Владимир Кожемякин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Хищные вещи, по мнению известного писателя, не так уж опасны Книги Стругацких экранизируют одну за другой. Значит, они многое предсказали правильно. И в «Обитаемом острове», и в повести «Трудно быть богом», экранизация которой скоро появится на экранах. Еще одна их злободневная вещь, написанная в 60-х, тоже ждет своего режиссера — о хищных вещах Мира потребления. Сегодня младший из братьев, Борис Стругацкий не видит в нем никакой угрозы русской душе"

- Борис Стругацкий

Борис Стругацкий
О, дивный, потребительский мир!

Хищные вещи, по мнению известного писателя, не так уж опасны

Книги Стругацких экранизируют одну за другой. Значит, они многое предсказали правильно.

И в «Обитаемом острове», и в повести «Трудно быть богом», экранизация которой скоро появится на экранах. Еще одна их злободневная вещь, написанная в 60-х, тоже ждет своего режиссера — о хищных вещах Мира потребления. Сегодня младший из братьев, **Борис Стругацкий** не видит в нем никакой угрозы русской душе.

О Мире Потребления

«АиФ»: — Борис Натанович, говоря о надежде на лучшую жизнь, вы упомянули об «островках будущего» — группах людей «с моралью, основанной на желании познавать новое и строить новый мир». Сейчас их становится больше или меньше?

Борис Стругацкий: — «Островками будущего» я склонен называть, по сути, отдельные, не часто встречающиеся, но и не слишком редкие творческие коллективы, образующиеся иногда в стенах некоторых (как правило, естественно-научных) НИИ, — специфические группы ученых, лаборантов, изобретателей, объединенных «духом нестяжательства», стремлением к познанию и созданию нового, пониманием того, что нет в мире ничего более привлекательного и желанного, чем успешный творческий труд. Как правило, такие группы создаются вокруг Личностей с Большой буквы, талантливых, невероятно трудоспособных, обладающих умением объединять, увлекать, вдохновлять. Очень важным условием реализации такого «островка будущего» является еще и существование мощной, разветвленной,

захватывающей задачи, для решения которой такая группа, как правило, и создается. К сожалению, «островки» эти недолговечны и неустойчивы. Исчерпывается идея; уходит Личность с Большой буквы; просто стареют и утрачивают энтузиазм члены группы; вечно чавкающая Свинья Жизни вторгается в ход творческого процесса, — и группа распадается, рассеивается навсегда, оставив по себе либо решенную задачу, либо одни лишь прекрасные воспоминания «о самом золотом времени нашей жизни».

Я не взялся бы назвать сегодня, сейчас конкретные примеры таких «островков», я только слышу о них иногда от своих знакомых, и я убежден, что островков этих не становится меньше со временем. К сожалению, впрочем, не возрастает со временем и тенденция к их сближению и слиянию, они как прежде, как и всегда, разрознены, самодовлеющи, друг от друга далеки, и не видно той силы, того социального поля притяжения, на которое можно было бы уверенно рассчитывать нашему брату-оптимисту. Слияние «островков» до состояния «континента» по-прежнему остается делом далекого будущего.

«АиФ»: — Вы однажды сказали: «Очень редко удается обнаружить в будущем нечто такое, что оказывается там жизнеспособным, — как удалось предсказать нам мир «хищных вещей века»…». В повести братьев Стругацких с таким названием речь идет об обществе потребления. Отличается ли наш российский вариант такого общества от его западного образца? Все-таки, «русская духовность», «что русскому хорошо, то немцу смерть» и так далее…

Б. С.: — Не вижу ничего такого в западном Обществе Потребления, что не годилось бы для нас. Стремление достичь состояния, когда «весело и ни о чем не надо думать» представляется таким же общечеловеческим, как и желания дышать, есть или заниматься сексом. Разумеется, возможны нюансы, проистекающие из различия традиций или менталитетов. Но эти различия вряд ли способны исказить общую единую картину западного и евразийского Мира Потребления. Будет весело и ни о чем не надо будет думать. Только европеец не будет думать о своем бизнесе, а русский — о непостижимости своей души.

Коллаж Андрея Дорофеева

«АиФ»: — Значит, русский в Мире Потребления неизбежно перестанет быть русским? Исчезнет национальная самоидентификация? Ведь поиск себя и «постижение души», насколько я понимаю — краеугольный камень нашего

менталитета.

Б. С.: — Насчет краеугольных камней менталитета сказать ничего определенного не берусь, — это далеко выходит за пределы моей компетентности. Что же касается национальной самоидентификации, то несомненно да, она в значительной степени падет жертвой Глобального Потребления. Этот процесс происходит уже сейчас, на наших глазах: национальные культуры отступают под натиском некоей «синтезированной» глобальной культуры, в которой понамешено всего и отовсюду, взято из разных времен и у непохожих народов, и уже целые континенты искусства возникли, к которым все труднее крепится ярлычок «национальное». Что такое сегодня «русское кино»? Да и существует ли оно, такое, вообще? Или «русская музыка»? Или, скажем, «русская живопись»?

«АиФ»: — Выходит вы — за Мир Потребления? То есть, за мир благонамеренных обывателей, не затрудненных мыслительным процессом. Но ведь это и есть «вечно чавкающая Свинья Жизни», разве не так? Разве не из этого мира в нужный момент выходят серые бригады и колонны, чеканящие шаг по мостовой?

Б. С.: — Я поправляю вас немедленно и со всею решительностью! Никогда и нигде не выступал я сторонником Мира Потребления! Я только утверждал (и продолжаю утверждать), что из всех реально возможных, — подчеркиваю: не из всех мыслимых; не из всех воображаемых; и конечно уж, не из всех желанных, а именно из реально возможных, — Мир Потребления является наиболее подходящим для жизни и наименее жестоким по отношению к своим обитателям. И «серые бригады и колонны» как раз из этого мира не выходят никогда, ибо на знамени его начертано «Пусть будет весело и ни о чем не надо думать!» Под такое знамя серые колонны не загонишь: сначала вам придется этот мир изменить самым решительным и жестоким образом, чтобы сделать его принципиально другим. У Мира Потребления много недостатков, они общеизвестны, это мир развлекающегося обывателя-потребителя, но одного плюса у этого мира не отнимешь: он дает максимальную свободу выбора, которую способно дать общество хомо хабилис (Человека Умелого).

«АиФ»: — Герои «Хищных вещей века» используют слег — новый общедоступный наркотик, который можно легко изготовить из бытовой химии. Недавно в реальной жизни, на Ставрополье, появились наркотические шампуни и соли для ванн — синтетические вещества психотропного действия. Тут вы тоже как в воду глядели…

Б. С.: — Слег (в том или ином виде) неизбежен. Надежда может быть только на существование природного иммунитета большинства к «вторжению наркоты». Природный иммунитет спас человечество от чумы и оспы. Природный иммунитет спасет нас от сладостного умирания в горячих ваннах.

О либерализме на русской почве

«АиФ»: — Ваши слова: «Либерализм есть идея, по сути своей, «слабая»… В этом смысле судьба либерального общества всегда печальна, и низкая рождаемость отнюдь не самое грустное, что его ждет «за поворотом, в глубине лесного лога»…». Вам не кажется, что Россия не приемлет демократии вообще? Что это и есть неприглядная реальность (и будущность), а все остальное — прекраснодушные мечтания интеллигенции?

Б. С.: — Я и сам так думаю. Тысячелетняя (без перерывов!) история холопства нашего оставила отпечаток неизгладимый на общенародном менталитете. Неувядаемая вера в доброго царя; представление о свободе, как неизбежном и опасном хаосе; готовность променять эту свободу на самую малую, но все же уверенность в завтрашнем дне; нежелание и неумение брать ответственность на себя, — какой уж тут может быть либерализм! И это — надолго. Понадобится несколько поколений проб и ошибок, пока либерализм не возьмет свое. А он возьмет свое обязательно, потому что любой другой путь, кроме либерального, это путь в застой. Потому что без свободной экономики, без реальной демократии, без возникновения свободного гражданского общества, — любой социум обречен на загнивание, на отставание, на потерю конкурентоспособности, на неизбежный тупик во всем. И мы будем снова и снова увязать в болоте, а потом устраивать очередную перестройку, мучительно пытаться внедрить все-таки в социум основы либерализма, снова «возвращаться в совок»… И так до тех пор, пока не вырастет, наконец, поколение готовых и способных полагаться на себя, понимающих вкус «плодов свободы» и не понимающих удовольствия освобождения от ответственности… «Жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Но это лишь полбеды. Беда будет, если где-то на полпути тоталитаризм с нечеловеческим лицом возобладает, — временно, разумеется, временно! — и зальет страну кровью.

«АиФ»: — А как же тогда Китай, Япония и другие «азиатские тигры», лидеры арабского мира и вообще Восток? Там, насколько известно, демократией и не пахнет. А они, тем не менее, «обгоняют Америку». Там что, общечеловеческие законы либерализма не работают?

Б. С.: — Все эти тигры и эмиры достигают (оставаясь в общем в рамках тоталитаризма) успехов только постольку, поскольку позволяют себе либерализовать экономику. И обгонять Америку они будут лишь до тех пор, пока (под давлением своих ястребов, своих партайгеноссе и своих мелких, но крутых тиранов) они эту либерализацию не прекратят (как Сталин в начале 30-х прекратил НЭП, раз и навсегда определив для России чисто тоталитарный курс на милитаризацию экономики, — что и привело, спустя полвека, к обрушению бронированного колосса, утонувшего в болоте всеобщего застоя). Я же говорил: либеральная идея слаба. Она беззащитна перед железной рукой и костяной ногой авторитаризма, у нее нет защитников, кроме умных людей (которые и сами нуждаются в защите в нашем мире). Но если эта идея воцаряется (волею обстоятельств, а как правило, — волею властителей, загнавших себя в застой и осознавших, что другого выхода у них нет), она способна творить чудеса в самых отсталых и запущенных экономиках мира.

О судьбе науки (в том числе и лженауки)

«АиФ»: — И еще о свободе. Однажды, говоря о вероятности новых гонений на науку, вы заметили: «Прививку от этой страшной эпидемии мы, вроде бы, уже получили в полной мере…». Но тем не менее в Российской академии наук уже 10 лет действует Комиссия «по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований»…

Б. С.: — Комиссия по лженауке задумана была, по-моему, в первую очередь, как ответ на вспышку всевозможных астрологий, предсказаний судеб, психолечений, уфологий с мистическим отливом, «научных» исследований призраков и привидений, а равно и прочей лабуды, вырвавшейся на волю после упразднения цензуры в СМИ. Конечно, борьба с неистощимым потоком изобретателей вечного двигателя, равно как и с адептами всевозможных «торсионных полей» тоже всегда оставалась в программе действий этой комиссии, и тоже была беспобедной — что лишний раз доказывает, что в союзе и при покровительстве властных структур лженаука не может быть укрощена никакими средствами.

«АиФ»: — Но в черном списке Комиссии по лженауке, помимо упомянутых Вами всяческих астрологий и торсионных полей, а так же экстрасенсов и «целителей» (типа Кашпировского, Чумака и Грабового), «биокорректоров», биодобавок и циркониевых браслетов, есть еще и вполне вменяемые, может быть, исследования в области альтернативной энергии (например, холодной трансмутации ядер и водородной энергетики), сверхсветовые скорости,

машина времени, антигравитация и телепортация, то есть та же легендарная «нуль-Т» братьев Стругацких. А кроме того, психотронное оружие и парапсихология (ясновидение, телепатия, лозоходство и телекинез). Как это вам?

Б. С.: — А никак. Почти все, вами перечисленное (можете записывать меня в инквизиторы) явно относится к категории лженауки, и с точки зрения здравомыслящего и уважающего «гигиену мышления» ученого иначе и рассматриваться не может. Но речь при этом не идет о каких-то «гонениях», «изничтожениях» и «отлучениях от». Все это следует рассматривать просто, как малоперспективные и (или) сомнительные направления исследований. Вам кажется достойным и многообещающим ваш вариант машины времени? Ради бога — работайте, удачи вам, постарайтесь найти спонсора. Никто не станет громить ваше оборудование и разгонять ваш дружный коллектив энтузиастов. Но и казенных денег вам никто не даст тоже: за свой счет, пожалуйста, за свой счет! Это единственная «бескровная» возможность отгородиться от маньяков и откровенного жулья, готового присосаться к государственным источникам финансирования.

«АиФ»: — А вам не напоминает все это далеко не лучшие страницы прошлого в духе 30-х: когда, например, выдающегося генетика-селекционера Вавилова проклял «народный академик» Лысенко, а затем гонениям подверглась кибернетика?

Б. С.: — Нет, не напоминает. Не вижу всенародных кампаний осуждения, ничего не слышал об арестах новых «вейсманистов-морганистов», пальцем никто не тронул даже самых отпетых борцов с теорией относительности, бесчисленные уфологи и адепты Чистой Воды благополучно процветают… Слава богу, никаких эксцессов и жестокостей. Хотя, иногда цена вопроса — триллионы (!) рублей.

«АиФ»: — А судьи — кто? Чем, по-вашему, «лженаука» отличается от просто науки? Кто вправе судить: вот это, господа — лжеученый, еретик, а это — благонравный профессор?

Б. С.: — Наука — дама строгая и не может существовать вне хорошо известных постулатов и общепринятых (сегодня) аксиом. Вместе они составляют как бы «атмосферу истины» и нарушать эту атмосферу не позволено никому. Истина устанавливается только опытным путем. Любой опыт только тогда считается доказательным, когда и если доступен повторению. Не следует плодить новые гипотезы без крайней на то необходимости. Отказ

от тщательно установленной истины возможен только при возникновении очень серьезных опровергающих обстоятельств. Чтобы опровергнуть теорию относительности, надо как-то по-новому, принципиально по-другому объяснить целую цепь тщательных, многажды повторенных экспериментов, подтверждающих эту теорию. Чтобы доказать существование в природе «холодной трансмутации», надо предъявить однозначно трактуемый эксперимент, учитывая при этом принцип «презумпции ошибочности» (когда неизвестный эффект наиболее вероятным образом надлежит объяснять ошибкой или селекцией наблюдения, и лишь в самом крайнем случае — открытием чего-то принципиально нового).

Лженаука отличается от науки прежде всего тем, что нарушает многие (или все) из этих правил «гигиены эксперимента» или «гигиены мысли». Трудность (не принципиальная, но реальная) заключается в том, что маломальски серьезные эксперименты всегда дьявольски сложны, и найти ошибку (следствие которой автор выдает за великое открытие) зачастую означает потратить многие десятки часов квалифицированного труда, — потратить впустую, зря, ибо любой профессионал уже а приори видит, что «великое открытие» не стоит ничего, ибо нарушает Второе начало термодинамики; или принцип причинности; или сводится к тому, что пробирки не были как следует продезинфйцированы. Мне самому по крайней мере дважды довелось наблюдать этот поразительный процесс: «закрытие открытия». Однажды речь шла об очередном доказательстве теоремы Ферма, другой раз — об основании новой науки «асимметричной механики» (доказывающей между прочим, что «ход времени» является источником энергии). В первом случае на опровержение понадобилось несколько часов, во втором — несколько месяцев, но — что характерно! — в обоих случаях авторы открытия так и остались не убежденными.

Конечно, никогда нельзя исключать возможность того, что некое «лжеучение» опровергнет своих критиков и подарит миру нечто действительно новое. Просто это дьявольски маловероятно. Разумеется, никто не станет выбрасывать только что купленный лотерейный билет в ближайшую урну, но ведь и гараж покупать под «лотерейного жигуля» тоже никто не побежит. С научными открытиями дело обстоит примерно так же, только вероятность выиграть «жигуль» гораздо, несравненно выше!

О Писателях с большой буквы

«АиФ»: — Почему тоталитарный строй, который вы так не приемлете, тем не менее, родил Писателей с большой буквы (в том числе и братьев Стругацких, например), а новейшая

российская история — нет?

Б. С.: — Подождем пару десятков лет. Большими Писателями, знаете ли, не рождаются. Большие Писатели «вызревают», им нужно время для разгона. Сегодня каждый квалифицированный читатель без труда насчитает десяток-другой имен, о которых ему точно известно, что это — «серьезные», «заметные», «хорошие», но понадобятся еще годы и совместная шлифовка сотен тысяч компетентных мнений, чтобы «все поняли», кто из этой «десятки заметных» — «видные», «превосходные» и, может быть, «великие». В тридцатых ни Бабель, ни Булгаков великими отнюдь не считались. Течение времени и коловращение невероятных событий понадобилось, чтобы определиться: Булгаков — «великий», а Бабель — «выдающийся», — да и то по шкале относительной и далеко не общеупотребительной. Так что подождем. Заметные и даже отличные писатели у нас есть точно, — поговорим о них в середине века.

О судьбе бумажной книги

«АиФ»: — Вы не раз предрекали, что бумажная книга обречена: «Она становится занятием изысканным, даже экзотическим, и мощный напор все новых и новых способов «развлекаться не думая», не оставляет ей никаких шансов. Читатель (книгочей!) не исчезнет, конечно, совсем, но станет редкой элитарной фигурой типа посетителя картинных галерей или филармоний.». И еще: «Электронная книга забьет бумажную одной левой. Бумажные тиражи станут микроскопическими, издательства пойдут по миру, писатели положат зубы на полку…». Но сейчас мы наблюдаем обратную картину. В книгоиздании и книготорговле никакого спада нет. Наоборот, тиражи и ассортимент растут, продажи тоже. Книжные магазины переполнены — тот же «Буквоед» или Дом книги в Питере, «Библиоглобус» в Москве. Да и газеты с журналами читают не меньше.

Может быть, вы ошиблись, и бумага все-таки переживет компьютер? Вспомните, в эпоху появления кино и телевизора тоже предрекали смерть театру. Но и сейчас на спектакли по-прежнему не пробиться, а число театров только увеличивается.

Б. С.: — Преимущества электронной книги перед бумажной слишком очевидны. Разумеется, «бумага переживет компьютер», — просто удельный вес ее в культурном бытии станет заметно меньше. Как сделался уже в прошлом веке заметно меньше культурный вес театра в сравнении с кино. Вы просто поспрашивайте своих знакомых: как часто последние годы они посещали театр? А кино? Ответы производят ошеломляющее

впечатление. Особенно, когда понимаешь, что и кино не главенствует сегодня, а — видеоплейеры и компьютерные игры. Такое впечатление, что не столько даже Всемогущий бог Электроники побеждает Мельпомену, Терпсихору и братьев Люмьер, сколько маленькая отдельная комнатка со своим собственным столом и своим экранчиком побеждает многолюдные и роскошные храмы зрелищ.

«АиФ»: — То есть, эта самая маленькая комнатка со столом и экранчиком — и есть конечная цель эволюции человека и общества? Венец творения — «одиночество в Сети»? А как же — «Хлеба и зрелищ!»? Значит ли это, что мы идем к обществу аутистов — Миру Замкнувшихся в Себе?

Б. С.: — Я не взялся бы делать столь далеко идущие выводы, опираясь всего лишь на ощущение, что образовался большой слой «аутистов», адептов и поклонников компьютерного экрана. Просто надо иметь в виду, что такого рода «зрелища» теперь тоже овладели миллионными массами, оторвав Человека Развлекающегося от театра, стадиона, 3D и всего прочего. Некий новый социальный фактор, и более — ничего. Я не говорю уж о том, что, на мой взгляд, тихий «аутист» существо несомненно более привлекательное и даже вполне человекообразное, в сравнении с обожравшимся пивом тиффози, готовым крушить все и вся во имя любимой команды.

О неумолимости рока

«АиФ»: — Вы как-то заметили: «Религия — прибежище слабых и одиноких…». А как же инквизиция, крестовые походы, прошлые и нынешние религиозные войны с их терроризмом и немилосердной резней? Все это тоже — от одиночества, слабости и убогости?

Б. С.: — Здесь нет никакого противоречия. Религия — явление сложное и даже сверхсложное. Религия прибежище слабости, это верно, но религия же (если понадобится) — безотказная школа ненависти и жестокости. Нет религии без фанатизма, а самое естественное проявление фанатизма — жестокость.

«АиФ»: — «Мне приходилось слышать и читать, — сказали вы, — что лучший солдат — это, конечно, профессионал, но из дилетантов лучше всего воевали добрые, честные, чистые люди, не имеющие богатого «отрицательного опыта». Богатые опытом уголовники воевали гораздо хуже». А почему? Разве бою не главное — жестокость, месть и умение убивать? То есть именно отрицательный опыт?

Б. С.: — По моему глубокому убеждению, главное в бою это способность и умение преодолеть страх смерти. Никакого

отношения к «отрицательному опыту» эти человеческие качества не имеют. Уголовники жестоки и умеют убивать, но невозможно представить себе такую нравственную идею, во имя которой они готовы были бы преодолеть инстинкт самосохранения. Для этого они, как правило, слишком «конкретны» и незамысловаты.

«АиФ»: — Историки говорят, что перед Первой и Второй мировыми войнами народы были уверены в непоколебимости мира. Никто, мол, не хотел войны, тем более тотальной, и тем более — взаимного уничтожения миллионов. Тем не менее, мир был втянут в мясорубку. Сейчас, вроде бы, все тоже (кроме террористов и адептов воинствующих конфессий) против всеобщей бойни. В чем сегодня проявляется неумолимость рока?

Б. С.: — И перед Первой, и перед Второй вовсе не все народы были настроены миролюбиво. Чего там только не было в идеологиях того времени! И жажда реванша. И открытые стремления к мировому господству. И расовые теории, обосновывавшие покорение неполноценных народов. И классовые теории, призывающие: «весь мир насилья мы разрушим до основанья…» Агрессивные милитаристские силы и государства существовали всегда. Они и сейчас есть. Вы же сами их называете. Это Старый Добрый Богатый мир малость подуспокоился последнее время, осознав (прямо по Шварцу), что проще, экономнее, политкорректнее «ку…», чем «у…» (Учитывая, опять же, существование ядерного меча). Но есть ведь еще мир бедный, отставший, оказавшийся «Третьим». И есть «пассионарная» исламская идея — очень простая, однозначно делящая всех на «своих» и «чужих», обещающая Великий передел собственности — рай тому воину, который победит, и — рай воину, который падет в бою. Я не стал бы преувеличивать степень этой угрозы, «неумолимость Рока» все еще на стороне Большой Экономики, но и настраиваться на безмятежное будущее я тоже не рискнул бы. Хотим мы этого, или не хотим, но время жестоких чудес, как говаривал пан Станислав Лем, еще не миновало.

Досье

Борис Натанович Стругацкий родился в 1933 г. в Ленинграде. По специальности — «звёздный астроном». Писатель, сценарист, переводчик. Большинство произведений создал в соавторстве с братом Аркадием Стругацким.

Автор: Владимир Кожемякин

Опубликовано 28 июля 10